

Послесловие: размышления за «круглым столом»

Присутствуя на заседании «круглого стола», решил поделиться некоторыми собственными мыслями и соображениями, возникшими в ходе дискуссии.

Тема «круглого стола» представляется актуальной и своевременной. Она тем более важна, что оценка ситуации в регионе Восточной Азии в выступлениях ряда экспертов и представителей СМИ разных стран — не только зарубежных, но и российских — зачастую опирается, главным образом, не столько на анализ действий самих этих стран, сколько отдельных инициатив и высказываний их политиков, носящих порою излишне эмоциональный, а то и сугубо пропагандистский или провокационный характер.

Часто высказываются мнения, что регион, да и мир в целом «дрейфуют в направлении новой «холодной войны». С этим можно было бы согласиться, но лишь отчасти. Движителями мировой политики в конечном итоге остаются не столько драматизированные жесты или громогласные заявления ее вершителей, сколько их скрытые, теневые маневры. Как гласит поговорка, аналог которой есть в каждом языке, и часто употребляется в китайском: «Слова — словами, а дела — делами».

Резкое охлаждение американо-российских отношений не отменило стабилизации и некоторого потепления отношений между США и КНР, а ведь именно они определяют климат в Азии. Когда США заявляют об упрочении стратегических связей с Японией, это вовсе не означает впрямую, что они в союзе с ней готовятся к нападению на Китай.

Как не означает китайско-японская полемика вокруг островов в Восточно-Китайском море, что КНР вот-вот готова воевать с той же Японией из-за нескольких клочков земли, рискуя не только порушить мир в Азии, превратить в «пух и прах» возвращаемые четыре последних десятилетия плоды экономического и политического сотрудничества с США, но просто провести на мировом глобусе глубокую межу, не имея при этом подлинных друзей или реальных союзников, кроме Пхеньяна, и обрекая себя заранее на баталии в одиночестве с остальным миром.

Словесные перепалки еще не означают готовности к замораживанию отношений между соперничающими силами в Азии до степени нагромождения между ними ледяных глыб, готовых в одночасье превратиться в свою противоположность — всполохи пожара, потушить который будет уже не под силу никому.

Если отвлечься от полемики политиков и обратиться к реальной ситуации на востоке азиатского региона, станет очевидным, что несмотря на продолжающиеся территориальные споры между КНР и целым рядом стран Азии, отношения между ключевыми игроками в нем — США и Китаем — за последний год после встречи в Калифорнии Б. Обамы и Си Цзиньпина в целом стабилизировались и закрепили свою положительную динамику.

Свидетельством этого является то, что за прошедший год, в отличие от предыдущих лет, между Вашингтоном и Пекином не возникло ни одного серьезного двустороннего конфликта, а разнообразные механизмы китайско-американского взаимодействия продолжали консолидироваться, укрепляться и совершенствоваться.

Отношения «нового типа» — не просто «фигура речи». За этим определением стоит качественный сдвиг во взаимодействии США и КНР. Стороны, при всех сохраняющихся между ними расхождениях, продолжают поиски такой его равнодействующей, ко-

торая удовлетворила бы обоих партнеров. Поэтому в очередном обострении ни тот, ни другой не заинтересованы.

Эта инициатива Китая — ответ на выдвигавшиеся прежде США предложения о дуумвирате и «кимерике». Все остальное в регионе возникает внутри «оболочки» договоренностей и расхождений между Вашингтоном и Пекином.

По существу Китай смирился с «возвращением» США в АТР, поскольку осознает, что место Америке в нем принадлежало и раньше, а следовательно, она по праву претендует на него и теперь и фактически оттуда никуда не уходила. Другое дело — разграничение сфер влияния и интересов. Если бы, к примеру, Китай мог сейчас окончательно присоединить Тайвань, его позиция в отношении США и других соседей по региону, вероятно, могла бы быть более спокойной.

В Азии сегодня происходит беспрецедентный «торг» за условия будущего сосуществования США и Китая в мире. На этом фоне выводы о якобы «грядущем некоем американском изоляционизме», на наш взгляд, лишены оснований. Тем более, с учетом постоянно крепнущих китайско-американских финансово-экономических и торговых связей. Несмотря на внешнеполитические слабости Обамы и стремление компенсировать их не всегда продуманными и адекватными действиями, Америка сохраняет и в обозримом будущем сохранит ведущие стратегические позиции в мире.

Попытки КНР достигнуть в ближайшее десятилетие статуса первой мировой экономики будут успешными только при условии, если: 1) не разразится глубочайший кризис в самом Китае, который по законам рыночной экономики, давно практикуемой им, является неизбежностью, но пока по счастливой случайности миновал КНР; и 2) если США не совершат в течение следующих 10–15 лет качественного экономического рывка, подготовку которого Обама объявил одним из главных приоритетов своей внутренней политики.

В любом случае, военно-политическое и стратегическое лидерство США поколебать Китаю в одиночку пока не под силу. К сожалению, для остального мира оно чревато усугублением застарелой американской «болезни» — синдрома глобального гегемонизма. И хотя нынешняя его разновидность отлична от предыдущих тем, что вместо подчинения воле Америки ее союзников и тотального диктата по отношению к ним построена на разделении ответственности и затрат на «регулирование мировых процессов», она сохраняет во взаимосвязях США с их партнерами роль довлеющего силового фактора.

Поэтому Китаю в условиях поисков компромиссов и основ взаимодоверия с США так или иначе придется создавать систему собственных альянсов и группировок или, как минимум, заручаться поддержкой единомышленников.

Начав с заверения Соединенных Штатов в целесообразности перевода взаимоотношений с ними от конфронтации к конкурентному сосуществованию при обоюдном учете ключевых взаимных интересов, Китай тем самым декларировал отсутствие намерений разрушить существующую международную систему под американским патронатом.

КНР фактически поддержала США в вопросе о предоставлении большей ответственности странам со статусом мировых держав, что по существу означает формальное «закрытие Китаем глаз» на действия американцев в обход коллективных международных органов при условии, что такая возможность будет зарезервирована и за ним самим.

И все же на практике налицо пока не только различие в подходах США и Китая к урегулированию потенциально крупных региональных конфликтов, но и их неготовность к выработке общего критерия оценки факторов, подрывающих глобальную стабильность и устойчивое развитие.

Китай традиционно надеется на поддержку со стороны России. Однако до последнего времени партнерские отношения РФ и КНР были парадоксальны тем, что при исключительно хороших доверительных связях на уровне политического руководства их

экономическая составляющая по объемам и насыщенности намного отставала от политической, не говоря уже о том, что катастрофически уступала китайско-американской.

Подписание в ходе визита В. Путина в КНР газового контракта и целого ряда других соглашений нацелено на преодоление существующего разрыва. Сбалансирование политических и экономических отношений между РФ и КНР — если его удастся достигнуть — станет важным шагом для еще большего укрепления политической основы российско-китайского всеобъемлющего партнерства. Это особенно актуально, поскольку в нем самом сегодня сохраняются и пока, к сожалению, увеличиваются труднопреодолимые разрывы.

Так, стратегически Россия для КНР сегодня не только безопасный тыл, но и сторонница в процессе формирования давно искомого и возжеленного ими обеими нового мирового и регионального порядка. Однако в Китае в последнее время стали, как будто, забывать о многополярности, увлекшись выстраиванием различных иных геополитических комбинаций.

Двойственная позиция Китая по вопросу Крыма точно так же, как лавирование в свое время по проблемам Абхазии и Южной Осетии, не вполне соответствует принципам и духу «стратегического партнерства».

В то же время формирование некоего альянса между двумя странами не отвечает их интересам и не нужно ни Китаю, ни России. Во-первых, такие отношения, по резонансному утверждению В. Путина, «лишают участников альянса части их суверенитета». И очевидно, что КНР не будет действовать вопреки курсу на самостоятельность и углубление отношений с США. У России, в свою очередь, в случае гипотетического союза с Китаем, непременно возникнут сложности при укреплении связей с другими азиатскими странами и ее влияния в СВА и АТР, где у Китая сегодня достаточно недоброжелателей. При этом сама идея союза отнюдь не является ни актуальной, ни целесообразной. Китайские эксперты полагают, в частности, что союзы необходимы лишь на случай войны.

В то же время интересам России, безусловно, отвечает последовательная линия на дальнейшее развитие всесторонних связей с КНР. Это особенно важно не только в силу «самоценности», но и как «страховка» от неприятной и потенциально не исключенной полностью перспективы оказаться на обочине каких-либо китайско-американских проектов за счет интересов РФ. Объективно существующие у КНР и РФ встречные интересы, связанные с взаимной поддержкой в противодействии гегемонистским импульсам американской политики, не утрачивают своего значения в качестве стимула для укрепления российско-китайских отношений.

Тем не менее, в сложившейся ныне ситуации формула «всеобъемлющего стратегического партнерства» перестает, на наш взгляд, адекватно отражать степень соприкосновения российско-китайских интересов и парадигму взаимодействия двух стран. Укрепление связей по военной линии, постоянные продажи современных российских вооружений в КНР, а также регулярные совместные военные и морские учения несколько выходят за рамки расплывчатой формулы «стратегического партнерства», по сути своей одинаково применяемой китайцами к характеристике их отношений и с рядом других стран мира. Ее трансформация применительно к нашим связям в **«отношения всеобъемлющего взаимодействия в рамках полного геополитического согласия и стратегического единства»** была бы более точной характеристикой их промежуточного состояния между альянсом и нынешней устаревшей формулой. В то же время не стоит забывать о жесткости и бескомпромиссности Китая в отстаивании им своих интересов на любом уровне, включая двусторонние связи.

Отношения США с Россией, которая в перспективе могла бы действовать в унисон с Америкой по решению ряда проблем СВА, омрачены и испорчены цепью событий и кризисов 2013–2014 гг., последним из которых стал украинский. Обострение отноше-

ний по поводу Украины и Крыма с большой долей вероятности негативно отразится на российско-американском взаимодействии как в АТР, так и на глобальном уровне.

В связи с кризисом на Украине, вызванным не только внутренними противоречиями, но борьбой внешних сил, а также возвращением Крыма России, **геополитическая ситуация в мире претерпевает существенные коррективы:**

а) По мнению многих экспертов, эти события обозначили реальный конец однополярности, поскольку ошибка Обамы состояла в том, что он скинул Россию со счетов как глобальную державу и стал рассматривать ее в качестве региональной. На наш взгляд, однополярная система пока не рухнула окончательно. Предпринимаются лихорадочные попытки к ее «выживанию» при параллельной консолидации новых структур, реально претендующих на роль фундамента будущей мультиполярности. Американская реакция на события на Украине и роль в них России — одно из проявлений сопротивления США начальным шагам по формированию основ многополярного мира. В той резкости, которая ее сопровождает, в какой-то степени, на наш взгляд, присутствует вина обеих сторон: излишне нервная российская реакция на в общем-то «пустяковые» по сравнению с нынешними провокационные действия американских властей в конце 2012 — начале 2013 гг. стимулировала эскалацию взаимного недоверия и враждебности;

б) Прекращение существования «восьмерки» одновременно обозначило размежевание антироссийских и пророссийских или нейтральных сил, которых, как показало голосование в ООН по «крымскому вопросу», было не так уж мало. Однако преднамеренная «деликатность» российской стороны во время «антитеррористической операции» Киева вкупе с вялостью и безынициативностью российских СМИ в плане развязывания серьезной внешнеполитической пропагандистской атаки практически свели на «нет» крымский успех и «склонили чашу весов» в пользу антироссийских настроений;

в) Возведение России в ранг «главного врага» несколько смягчает напряженность в отношении Запада к Китаю, фактически занявшему излюбленную позицию лавирования. Все это может способствовать дальнейшей стабилизации китайско-американских отношений;

г) Одновременно может произойти временное укрепление позиций КНР как «амортизатора» между про- и антироссийским глобальными сегментами;

д) И, наконец, положение России в СВА и АТР будет существенно зависеть от того, сможет ли она реально опереться на «китайское плечо» в случае более серьезных, чем сейчас, западных санкций.

В связи с этим Китаю необходимо дать ясно понять, как бы парадоксально это ни звучало: все нынешние антироссийские выпады США конечной своей целью имеют направленность против КНР — главного глобального оппонента Америки. Ключевая цель сохранения доминирования и гегемонизма США в мире, о которой Обама заявлял многократно, в условиях реального ослабления американского экономического и военно-политического могущества, при противостоящих Америке и не желающих подчиняться ее диктату Китаю и России, может быть реализована лишь путем стравливания их друг с другом за счет использования в отношении каждой из этих стран поочередно стратегии «перезагрузок и перебалансировок».

Недавнее заявление госсекретаря США Дж. Кэрри об отсутствии у США намерения «сдерживать Китай» как нельзя лучше ложится в канву этой стратегии. В то же время Вашингтон должен показать Пекину, что если он не накажет Москву за Крым, это может побудить Китай по примеру России отобрать у Японии острова Дяоюйдао, а затем «замахнуться» и на Тайвань. Нет сомнений в том, что если и как только Америке удастся в украинском вопросе «разделаться с Россией» путем смены власти в ней и возвращения Киеву Крыма, последует резкое ужесточение ее антикитайского курса в АТР.

Суммируя все изложенное, не исключена ситуация, при которой РФ, КНР и США окажутся, тем не менее, на пути к воссозданию некой новой геополитической

трехсторонней конфигурации, роль основного «разводящего» в которой на этот раз будет исполнять Китай. При этом следует учитывать позицию США в отношении России, которые уже давно не рассматривают ее как значимый фактор военно-стратегической безопасности ни в Восточной Азии, ни в АТР в целом.

Выводы:

1. На сегодняшний день в развитии геополитической ситуации и взаимоотношениях России, Китая и США возобладало сочетание позитивных и негативных разнонаправленных тенденций. К первым относятся смягчение отношений между США и Китаем, наполнение российско-китайских связей реальным экономическим содержанием. Ко вторым — резкое обострение российско-американских отношений, которое в условиях действия принципов глобализма не может не сказаться негативно на взаимодействии двух стран «по всем азимутам».

2. В Северо-Восточной Азии, которая из-за отсутствия постоянного механизма безопасности и неурегулированности ряда локальных проблем взрывоопасна сама по себе, в результате ухудшения отношений между ведущими державами — гарантами ее равновесия и стабильности — не исключено возникновение реальных предпосылок к развязыванию конфликтов на почве территориальных притязаний и проблем суверенитета. Положение в СВА будет выглядеть угрожающе в случае реального размежевания на альянсы (напр., США—Япония—Южная Корея и РФ—КНР—КНДР).

3. В то же время отсутствие сегодня в этом регионе фундаментальных или непримиримых противоречий между КНР и США, а также конфронтационных разногласий между США и Россией и их совместная заинтересованность в мирном решении его главных проблем внушают определенный оптимизм в отношении сохранения консенсусных подходов к преодолению существующих в нем вызовов.

4. Сохранение статуса РФ в качестве главного партитетного оппонента США в военно-стратегической сфере делает возможным ее участие как одной из ведущих сил в решении ключевых проблем обеспечения безопасности в АТР, денуклеаризации в СВА, создания соответствующих механизмов для урегулирования споров относительно территорий и акваторий Восточно-Китайского моря.

5. В совокупности со смягчением отношений между США и КНР, которые еще в первой половине прошлого года обострялись до крайности, а сегодня, по выражению премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна, «развиваются стабильно в ходе взаимодействия», сохраняется надежда на улучшение регионального климата в СВА и АТР в целом.

6. Учитывая новое качество китайско-американского взаимодействия, необходим российско-китайский диалог по роли и месту США в мире в целом и в отдельных важнейших для России регионах (АТР, СВА, ЦА, Ближний Восток и т.д.)

7. Существует необходимость вовлечения Китая в диалог по ядерной безопасности.

8. И, наконец, исходя из постоянно существующей необходимости преодоления острых региональных и глобальных разногласий в духе конструктивного диалога, поиска консенсусных подходов к решению важных проблем политического и военного характера, настала пора подумать о создании постоянно действующего консультативного формата трех стран — КНР, США и России — адекватной замены «восьмерке», позволяющего крепить согласование и взаимодействие, и препятствующего превращению «большой тройки» в треугольник с острыми углами.

*А. Давыдов,
ведущий научный сотрудник ИДВ РАН,
заместитель главного редактора ПДВ, кандидат исторических наук.*